

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ МОНГОЛИЯ
ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК II

БАРНАУЛ 2008

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М – 64

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук П.К. Дашковский

Редакционная коллегия
доктор исторических наук Л.Н. Ермоленко
доктор культурологи Л.С. Марсадолов
доктор исторических наук А.А. Тишкин
доктор исторических наук А.В. Харинский
доктор исторических наук С.А. Яценко
кандидат исторических наук Р.А. Кушнерик
кандидат педагогических наук Н. Цэдэв

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. – Вып. II. – 303 с.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям. Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

ISBN–978–5–93957–218–7

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/G, тема «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии») и Фонда Президента РФ (проект №МК-132.2008.6, тема «Формирование и эволюция мировоззренческих систем в контексте культурно-исторических и этнополитических аспектов развития кочевников Южной Сибири в эпоху поздней древности и раннего средневековья»)

На обложке антропоморфная личина из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, рисунок А.Л. Кунгурова)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДИСЛОВИЕ	5
I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	7
<i>А.Л. Кунгуров</i> Проблема сложения менталитета древнейших обществ Алтая	7
<i>Ю.Б. Сериков</i> Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах	11
<i>С. В. Сотникова</i> Опыт реконструкции Алакульских представлений о мире (по материалам могильника Ермак-IV).....	32
<i>А.А. Горячев</i> О погребальных традициях племен поздней бронзы урочища Ой-Джайляу в Чуилийских горах	44
<i>Н.И. Рыбаков</i> «Солнце-луна» в петроглифах Июсских степей.....	60
<i>П.К. Дашковский, Н.Н. Серегин</i> Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья	83
<i>Л.Н. Ермоленко</i> Об отзвуках героического эпоса в письменных памятниках, содержащих сведения о кочевых народах	101
<i>А.И. Тугутов</i> Гадание и традиционное мировоззрение монголов	115
<i>М.В. Егорочкин</i> Комплекс вооружения «Ай-Хуучин» (К вопросу исторической интерпритации эпических паноплий).....	124
<i>А.А. Курапов</i> Формирование и реализация социально-политической доктрины буддизма в отдельных национальных традициях.....	140
<i>С.А. Комиссаров</i> Соотношение мифологических систем Китая и Кореи	153

**II. ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ
И ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
РИТУАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ..... 158**

В.Е. Ларичев

Космогония и космология жречества эпохи палеометалла юга Западной Сибири (астральная теогония и протонаука в символах и образах протохрама «Сотворение Вселенной» Северной Хакасии) 158

В.Е. Ларичев, С.А. Паршиков, С.А. Прокопьева

Астрономические, календарные и религиозно-мифологические принципы размещения в пространстве гробниц раннего железного века Северной Хакасии (на примере могильного поля, опорных плит и визирных лимбов окрестностей святилища Саратский Сундук)..... 182

Л.С. Марсадолов, Н.В. Дмитриева, В.А. Иконников

Первые палеоастрономические исследования на святилище у горы
Монастыри на Западном Алтае 207

Ю.И. Ожередов

Сакральные сооружения в сомонном центре Эрдэнэ-Бурэн
Ховдского аймака Западной Монголии 219

М.А. Дэвлет

Каменная плита 01-00 из кургана Аржан-2 в контексте петроглифов Тувы... 233

**III. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ..... 241**

Е.В. Нам

Представления о смерти в античной культурной традиции
и шаманском мировоззрении народов Сибири 241

В.М. Мендешева

Конь в традиционной культуре алтайцев..... 250

Б.Ю. Кичекова

Отражение традиционного мировоззрения алтайцев в национальной одежде. 260

Э.В. Енчинов

Правовые обычаи связанные с беременностью в традиционном
мировоззрении алтайцев..... 271

Н.К. Смагулов

Факторы панисламизма и пантюркизма в контексте проведения
большевистским правительством внешней политики и территориального
размеживания среднеазиатских государств в 1917–1924 гг..... 277

Р.В. Шиженский

Иерархическое положение волхвов в структуре русских неоязыческих
организаций 288

Ю.И. Ожередов

*Томский государственный университет. Музей археологии
и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского, г. Томск, Россия*

САКРАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В СОМОННОМ ЦЕНТРЕ ЭРДЭНЭ-БУРЭН ХОВДСКОГО АЙМАКА ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

В соответствии с научной программой Института исследования Монгольского Алтая (МАСХ) экспедицией Томского государственного университета в 2006 г. были начаты работы по выявлению и фиксации памятников историко-культурного наследия близ сомонного (районного) центра Эрдэнэ-Бурэн Ховдского аймака (области) Западной Монголии (рис.1.). Сомонный центр располагается на правом берегу р. Шургийн гол в пространстве между двумя небольшими по протяженности хребтами, именуемыми горами Хойт-Улан (Северная красная) с северо-запада и Урд-Улан (Южная красная) с юго-востока, между которыми и проходит русло названной реки. Строения поселка находятся под юго-западным склоном горы Хойт-Улан, протянувшейся примерно на 2 км километра с северо-востока на юго-запад (N48°30'15,6"; E91°26'51,3") (Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч. и др. 2007, с. 67, 69-72).

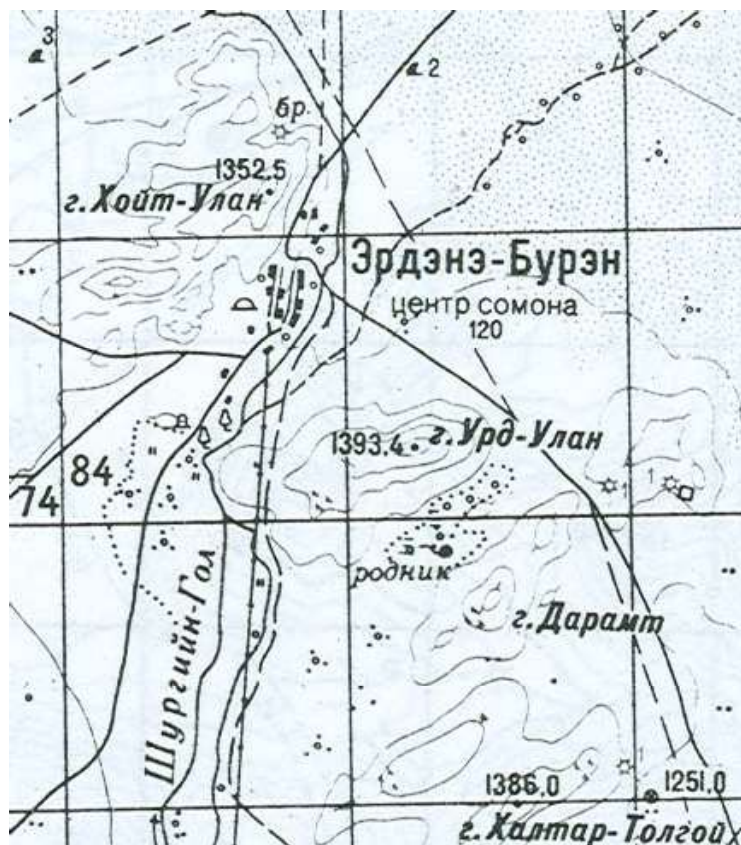

Рис.1. Район исследований у сомонного центра Эрдэнэ-Бурэн

Обе горы сложены из красно-коричневого и красно-розового гранита, что и послужило введению в их названия цветового определения улан (красный). У подножия и на поверхности обнаружено 65 археологических и этнографических объектов, среди которых внимание привлекают культовые каменные сооружения, расположенные на скальных выступах Хойт-Улан. Объекты объединены в два культовых места, одно из которых располагается чуть севернее центра поселка, а второе на его юго-западной окраине. Эти сооружения принципиально отличаются от священных мест принадлежащих локальным духам гор, перевалов, источников, озер и т.п. Последние обычно сформированы из бессистемной наброски камней и разного рода приношений и лишь изредка организованны в некое подобие кладки круглой формы. Однако на основании сакральной предназначенности служить медиаторами между людьми и потусторонними силами, в обыденном сознании и те и другие одинаково подпадают под обобщенное понятие *обо*.

Основой изученных святилищ являются столбовидные круглые в сечении сооружения из плит и обломков дикого камня, именуемые *индэры* (рис. 2–6) (Ганболд Д., 2006, с. 23, 24). По внешним характеристикам *индэры* напоминают вертикальные каменные зороастрийские подставки-алтари во множестве отразившиеся в ахеменидских царских рельефах (Бойс М., 2003, с.102) и нумизматике (Луконин В.Г. 1969, табл. II–XII). Серьезным отличием, безусловно, является их безыскусная отделка, лишенная художественной декоративности, присущей зороастрийским царским или храмовым алтарям. Впрочем, до появления таковых, зороастрийские обряды с огнем отправлялись не столь пышно, как это стало выглядеть после официального признания религии огнепоклонников. Но как выглядели алтари раннего периода и имелись ли они вовсе, из литературы не очень понятно. Считается, что на первом этапе в конструкции доминировала горизонтальная перспектива. И лишь по прошествии времени они стали расти в вертикальной проекции (Павлов Н.Л., 2001, с. 28). Насколько монгольские *индэры* близки зороастрийским алтарям судить пока трудно, но, тем не менее, вполне ощущается общность идейной подосновы, одинаково осмысливающей их в качестве оси вселенной, через которую осуществляется объединение вертикально организованных пространств обитания реальных и ирреальных насельников.

Монгольские алтари обычно располагаются группами на небольшом удалении друг от друга. Рядом располагаются вспомогательные сооружения другого типа. Первое из священных мест горы Хойт-Улан состоит из четырех *индэров*, выстроившихся цепью вдоль гребня небольшого выступа горы Хойт-Улан, внедряющейся с севера на тер-

риторию сомонного центра у северо-восточного его окончания. Второе располагается на двух горизонтах юго-западного окончания названной горы и включает три *индэра* и своеобразное *обо* (рис. 4.). Два *индэра* (большой и малый) сооружены на террасе (рис. 4, 5), а еще один большой *индэр* и *обо* расположились на вершине (рис. 7). В силу того, что *индэры* на обоих памятниках однотипны, в общей части их описание совпадает и одинаково распространяется на все семь объектов, изученных на двух культовых местах.

Площадки в месте установки *индэров* тщательно очищены от камней в радиусе 2–3 м. (рис. 2). Особенность такого сооружения заключается в его конструкции: все они выложены из обломков красного розового гранита в форме массивных, круглых в сечении столбов (рис. 2, 4, 5). Но только на первый взгляд все они одинаковы. На самом деле существуют хорошо заметные и неявные малоприметные отличия, возможно, не случайного происхождения. Возникает ощущение, что часть объектов действующие или главные, а другие не завершены в своем устройстве или являются второстепенными. В зависимости от этого одни обладают жертвенниками на вершине, а другие нет.

Размеры *индэров* не стандартизированы и заметно колеблются: так высота колеблется примерно от 60 см до 123 см, диаметр варьирует в пределах 70–85 см. У алтарей с жертвенниками на вершине по сторонам света расходятся по два или четыре луча, выложенные из разнокалиберных камней (Рис. 2). Алтари без жертвенников, такими лучами не оснащены. У подножия с юго-восточной стороны действующих алтарей установлена плитка или обломок камня с ровной верхней площадкой, на которой воскуривались благовония, смешанные из порошка высушенных душистых трав и (или) *арца* (дробленый высушенный можжевельник). Считается, что дым благовоний приятен духам покровителям.

Но главный обряд совершался не здесь, а на специально обустроенной вершине алтаря, где сооружены площадки для огненных жертвоприношений. Иногда поверхность окантована оградкой из мелких камней установленных по краю. На других верхний ярус сооружения выполнен в виде своеобразной круговой кладки, где крайние камни, формирующие верхний контур уложены длинными сторонами радиально от края к центру подобно кладке круглых колодцев или архитектурных арок (рис. 3). Внутри такого контура из крупных брусковидных камней находятся мелкие обломки, насыпанные будто бы для заполнения пространства между большими камнями.

На поверхности действующих алтарей лежат угли, обугленные фрагменты веток и небольших поленьев, кальцинированные колотые

кости животных, а в одном случае отмечен *астрагал* или *альчик* (*шагай* – монг.) барана (рис. 3). Один из *индэров* оснащен голубыми *хадаками*. Камни алтарных поверхностей и оградок по их периметру сильно опалены и закопчены неоднократным воздействием открытого огня. На вершине одного из двух больших *индэров* второго культового места обнаружен слежавшийся однородный слой черно-серой золы толщиной до 2-4 см (рис. 6). Ее мощность, плотность и однородность свидетельствуют о многократном проведении здесь сожжений легко горючих материалов, дающих мелкую легко уплотняющуюся золу.

Примерно в 4 м от одного из объектов расположенных в центре первого святилища, небольшая кучка камней удерживает крупную развилчатую ветку, увешанную шелковыми *хадаками* синего, белого, красного и желтого цветов.

По словам нашего информатора, уроженки Эрдэне-Бурэна, Мунхжаргал Н. данные *индэры* принадлежат местным *ойратам*. Их представители поднимаются на культовые места в дни больших праздников, таких, например, как Цагаан-сар (Новый год). На жертвенниках возжигается огонь, в котором сгорают кусочки жертвенного мяса и кости, посвященные духу-хозяину родовой территории. Ему же приносятся мольбы участники церемоний. Других приношений на культовом месте не зафиксировано. По наблюдениям Н.Л. Жуковской данный обряд отмечен только у отдельных групп *ойратов* Западной Монголии (Жуковская Н.Л., 2002, с. 65), к которым, как теперь выяснилось, относятся и большинство жителей Эрдэнэ-Бурэна, преимущественно представителей одной из групп восточных *айратов* – *олетов*.

По сведению Мунхжаргал Н., в ритуалах принимают участие только представители мужской половины общества. Из женщин допускаются лишь самые юные (девушки) и самые старые (старухи) женщины. Причину этого запрета информатор назвать не смог. Но, оценивая специфику выборки, можно предположить, что ограничения распространяются на девушек и женщин репродуктивного возраста, и, следовательно, предполагают табу, обусловленное сакральной нечистотой женщин данной возрастной группы. Таким образом, в местной обрядности определенно прослеживаются архаические представления, свойственные, прежде всего, первобытным религиям.

Священное место проживающих в поселке *халхов*, к которым принадлежит мой информатор, находится не в горах, а, напротив, в степи к северо-востоку от поселка и оснащено другим типом культового оформления. Но на этом священном месте побывать не удалось, поэтому сведений о нем пока нет. Однако имеющаяся информация позволяет предполагать, что различие в форме культовых сооружений ой-

ратских групп и халхов выдает древние идеологические размежевания между коренными монголами и другими группами монголо-язычного населения современной Монголии.

Вместе с тем, общепризнанным всеми жителями поселка является священное место у южной оконечности сомонного центра (N48°29'42,4"; E91°26'28,3"). Здесь на окончании горы Хойт-Улан располагается синкретическое по форме и содержанию священное место с двумя типами обрядовых сооружений, именуемое *Галданбошигт обо* (Рис. 4.). Место названо по имени монгольского национального героя Галданбошигт хана (в российской историографии он известен как хан Галдан предводитель Ойратского ханства), возглавившего в 17 веке освободительную борьбу айратов против Цинского Китая (История Монгольской..., с. 148–149). Рассказывают, что посетители обращаются с просьбами непосредственно к духу героя, которому посвящено данное святилище.

Объект располагается на двух ярусах горы: на вершине и на террасе ниже нее. На тщательно очищенной от камней площадке нижнего яруса близко друг к другу выстроено два столба *индэра* (рис. 4, 5). При сравнительно равной мощности, один из них значительно выше второго (85 см и 60 см). От большего алтаря, с мощным зольным слоем, о котором подробнее сказано выше, отходят два луча из цепочек камней, ориентированные по линии север-юг. У его основания размещена плитка для воскурения благовоний. На соседнем малом *индэра* конструктивных особенностей и следами огня не отмечено. Точно такой же *индэр* без следов огня, но несколько габаритнее первого, находится на вершине горы у края небольшой площадки, которую почти целиком занимает центральное сооружение данного священного места *обо*.

Главной «фигурой» святилища стала круглая в сечении каменная платформа, конструктивно схожая с обычным *индэром*, но много больше его по размеру (рис. 7). Ее диаметр 4-4,5 м, а высота 1,5-1,6 м. Платформа сложена из средних и крупных камней, многие из которых окатаны. Видимо, камни собирали не только на горе, но и приносили снизу, так как на скалах окатышей нет. В центре платформы установлен столб, выкрашенный в желтый цвет и увенчанный металлическим навершием, напоминающим оцинкованное ведро установленное раструбом вверх. Вокруг столба в камни вмонтирован большой пук длинных ветвей, скрепленный близ основания обвязкой из тальника, не допускающей, чтобы он разваливался. Со стороны стоящие ветки напоминают густо разросшийся куст, увешанный синими и белыми *хадаками*, а также *танками* с буддийскими текстами и рисунками. У подножия столба установлено 4 плитки черного сланца с граффито и свя-

щенными текстами. На одной из них изображен *соёмбо* (древний символ Монголии, вновь принятый в начале 1990-х гг. в качестве национального герба) и юбилейная дата, свидетельствующая о 80-летию МНР (1921-2001). На другой плитке нанесено изображение Будды, на третьей прочерчены ряды монгольских *тамг*, а на последней сакральное изречение тибетским шрифтом.

Столб и ветки в центре платформы, определенно, символизируют мировое дерево и оправление даров божествам верхнего мира. Таким же символом является развилчатая ветка в куче камней на первом священном месте. Несмотря на языческий контекст, жертвоприношений на платформе практически не было. Исключением стала лишь одна конфета в фабричной обертке. Обрядовый регламент, видимо, не предполагает оставление приношений на данном *обо*, как это повсеместно делается на других священных местах.

В результате непосредственного исследования объекта и сбора о нем начальной информации было установлено, что названный комплекс является крупным именованным сакральным центром, который поддерживается и используется всеми местными обитателями, вне зависимости от их этнической принадлежности. Вполне очевидно, что на данном памятнике синкретически объединены ойратские и халхасские обрядовые традиции, ныне одинаково базирующиеся на ламаистской идеологической основе. К такому же выводу приходит монгольский исследователь сакрального фольклора Д. Ганболд, который пишет буквально следующее: «Исследование истоков традиции культовых обрядов, культовых сутр приводят к выводу, что доктрина монгольского буддизма, накинутаго на монгольские национальные обычаи, на древние формы исконно монгольских верований, не только не противоречит, а наоборот обуславливает и обогащает форму и содержание, структуру и композицию культовых сутр». (Ганболд Д., 2006, с. 154).

Следующий *индэр*, аналогичный выше описанным буквально через несколько дней был нами обследован в сомоне Умнэ-Говь Увсугульского аймака неподалеку от сомонного центра Намир. Он располагался, примерно в 200 м от центральной части крупного поминального археолого-этнографического комплекса, на отдельно стоящей горе, близ каменной насыпи археологического времени (N48°58'55,3"; E91°44'39,7") (Ожередов Ю.И. 2007, с. 233–234; Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч. и др., 2007. с. 70–71). По устройству и своим параметрам здешний алтарь полностью соотносится с *индэрами* из Эрдэнэ-Бурэна. Он точно также выложен из каменных обломков и плиток в форме круглого в сечении столба высотой 85 см при ширине 80 см. На обожженных камнях вершины также лежали угли и обгоревшие ветки, по-

этому можно считать данный объект также принадлежит к разряду жертвенных алтарей, посвященных местным божествам-покровителям. К сожалению, нам не удалось собрать информацию, какой из групп населения оставлен этот объект. Но из литературы известно, что данную территорию преимущественно заселяют *ойраты мянгаты*, которые вероятно и стали строителями данного священного объекта. Именно в ритуалах *мянгат* обнаруживает *индэры* монгольский исследователь Д. Ганболд (Ганболд Д., 2006, с. 23–24).

Дальнейшие исследования *индэров*, запланированные совместно с монгольскими и российскими коллегами позволят более детально изучить данный вопрос и, возможно, выйти на истоки традиции сооружения каменных алтарей для сакральных огненных приношений. А о том, что «алтарная» тема имеет своеобразное продолжение, на других территориях свидетельствуют результаты совместных работ с учеными из Иркутского технического университета на северо-восточном побережье оз. Хубсугул. Вместе с А.В. Харинским в 2006 г. нами был изучен комплекс археологических и этнографических объектов, среди которых обследована группа разнотипных жертвенников. Памятники выстроены из сланцевых плиток и обломков породы на скальных гребнях горы Цыгыр, расположившейся близ устья р. Хавцал, примерно в 10 км к северу от сомонного центра Ханх (Харинский А.В., Ожередов Ю.И., 2006, с. 283–285).

На трех вершинах горы исследовано 12 поминальных объектов этнографического времени. Половина из них представляет собой выложенные из каменных обломков и плиток серого сланца столбы со слегка суживающимися и как бы закругленными вершинами. Практически все они оснащены обращенными к востоку нишами-емкостями для жертвоприношений. В большинстве ниш уложены конские черепа, около одной, кроме того, сложены рога оленей (рис. 8), в другом обнаружен обломок белого кварца, у подножия установлены плиты с графмит. Рисунки и надписи также имеются на отдельных камнях в кладке нескольких столбов. При кажущемся внешнем сходстве хубсугульские столбы по целому ряду конструктивных деталей принципиально отличаются от западно-монгольских *индэров* по форме (многие из них в плане квадратные или прямоугольные и т.д.) и способу жертвоприношений.

И только один из хубсугульских жертвенников стал отправной точкой к поиску аналогий между обрядами Западной и Северной Монголией (N51°34,3'30,1"; E100°374'51,8"). Он оказался синкретичным и по форме, и по содержанию, совмещая в себе устройство местного прямоугольного в основании столба с нишей, и *индэра* с круглым жертвенником, выгороженным стенкой из сланцевых обломков на

вершине (рис.9.). В границах последней на сильно обожженной поверхности находятся сгоревшие до кальцинированного состояния кости животных и древесные угли (рис. 10, 11). Помимо проведенных на вершине сожжений, этот алтарь единственный, который, как и западно-монгольские, сопровождают дополнительные каменные столбики, а главное здесь также навешаны на кусты голубые *хадаки* и белые «знамена» на шестах. И еще одной особенностью данного столба стало то, что в отличие от многих других в нише этого алтаря нет лошадиных черепов. Но в ней находится уложенная вверх дном небольшая фарфоровая тарелка, прикрывающая горелые косточки. Ниша закрыта вертикально установленной на землю сланцевой плитой, опирающейся вершиной на стенку столба.

Таким образом, уже на данном этапе изучения обнаруживается определенное идейное единство, связующее мировоззрение двух достаточно отдаленных групп населения Монголии этнографического времени. Где истоки этих ритуалов и кем они распространены по монгольской территории, пока сказать сложно. Возможно, идея строительства этих алтарей кроется в огненных обрядах зороастрийцев Средней Азии и Иранского нагорья. В Западную Монголию они могли попасть с продвижением в Центральную Азию среднеазиатского населения в период тюркского владычества. Особенно реально это проникновение связать с активностью среднеазиатских проповедников, несших идеи и обряды буддизма, манихейства и зороастризма на восток Центральной Азии. Не менее активна была деятельность религиозных проповедников и в период монгольского великодержавия, когда конфессиональная толерантность монголов позволяла вносить в жизнь степей ранее неведомые идеологии. Данное предположение косвенно подкрепляется сходством монгольской и персидско-среднеазиатской похоронной практики, в основе которой было выставление умерших на растерзание хищникам.

Дополнительным штрихом к теме вертикальных алтарей с огненными приношениями может быть обрядовое сооружение тувинцев (сойотов или урянхайцев) *сансалыр*, устраивавшееся, так же как в случаях с *индэрами*, на площадке тщательно очищенной от снега и мусора. А.В. Адрианов описал жертвенники, используемые в ходе новогоднего праздника *Шага* в виде «продолговатой тумбы» из чистого снега и лиственничных жердей. Вершина оформлялась в форме ступени, напоминающей скамейку со спинкой («диван» – А.А.), куда устанавливалась плоская чугунная чаша или металлический лист (лопата), на которых и совершались воскурения. (Адрианов А.В., 1916, л. 93–94; Дэвлет М.А. 1994, с. 84). Совпадение распространяется не только на конструктивные детали, особенность подготовки (очистки) места сооружения

жертвенника, но и на приуроченность к празднованию Нового года, хотя это не главный показатель. Набор сближающих факторов, тем не менее, дает повод рассматривать семантику *сансалыров* в контексте родства мировоззренческих установок с представлениями на которых базируются идеи строительства монгольских *индэров*.

Что же касается объяснения причины обнаруженного сходства между западными и северными алтарями собственно в Монголии, то этому, определенно, имеется веская причина. В процессе обсуждения собранного материала А.В. Харинским была высказана мысль о том, что появление на Хубсугуле подобного рода сооружений, связано с продвижением в позднем средневековье на север Монголии и юг Прибайкальского региона одной из западных *ойратских* групп. Возможно, с теми же *ойратами* идеология огненных алтарей пришла в Урянхайский край и оказалась востребованной у тувинских номадов.

Некоторые данные на это счет имеются, но проверить их достоверность на реальном материале пока не удавалось. Идея представляется весьма перспективной, поэтому ее разработке будет посвящено отдельное коллективное исследование.

Библиографический список

1. Адрианов А.В. Письмо семье от 30 мая 1916 года // Архив МАЭС ТГУ. Личный архив А.В. Адрианова. Папка 20. Л. 93–94.
2. Бойс М. Зороастрийцы: Вера и обычаи. СПб., 2003. 352 с.
3. Ганболд Д. Монгол сан тахилгын судар угийн урлагийн туурвил болох нь. Улаанбаатар, 2006. 180 с.
4. Дэвлет М.А. Александр Адрианов и Тува. В конце пути. // Башкы. 1994. № 5 (11). С. 81–86.
5. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура, Традиции. Символика. М., 2002. 247 с.
6. История Монгольской Народной Республики. М., 1954. 422 с.
7. Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры М., 1969. 243 с.
8. Ожередов Ю.И. Археолого-этнографические исследования экспедиции Томского государственного университета в Западной Монголии в 2006 году // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск, 2007. С. 227–239.
9. Ожередов, Ю.И., Мунхбаяр Ч, Ожередова А.Ю., Мунхжаргал Н. Археолого-этнографический комплекс гор Хойт-Улан и Урд-Улан у сомонного центра Эрдэнэ-Бурэн в Ховдском аймаке // Монгол Алтай. Монгол Алтай судлалын хурээлэн Улаанбаатар хот, 2007. № 2. С. 67–72.
10. Павлов Н.Л. Алтарь, ступа, храм. Архаическое мировоззрение в архитектуре индоевропейцев М., 2001. 368 с.

11. Харинский А.В., Ожередов Ю.И. Археолого-этнографические исследования побережья озера Хубсугул // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск, 2006. С. 282–285.

Рис.2. Индэр с 4-мя лучами на северном выступе горы Хойт-Улан;

Рис.3. Жертвенник со следами сожжения на северном выступе горы Хойт-Улан;

Рис.4. Индэры на террасе у южного окончания горы Хойт-Улан и Галданбошигт обо на вершине;

Рис.5. Индэры с 2-мя лучами у южного окнчания горы Хойт-Улан;

Рис.6. Жертвенник на большом индэре у южного окнчания горы Хойт-Улан;

Рис.7. Галданбошигт обо. Вид с севера.

Рис.8. Столб с жертвенником на вершине. Вид с востока.
Гребень горы Цыгыр;

Рис.9. Столб с жертвенником на вершине. Гребень горы Цыгыр;

Рис.10. Жертвенник на столбе. Гребень горы Цыгыр;

Рис.11. Остатки сгоревших жертвоприношений и дерева.
Гребень горы Цыгыр;